

ный состав языка, очень медленно изменяется основной словарный фонд — и еще медленнее — грамматический строй»¹², то в применении к внешним воздействиям этот закон можно формулировать следующим образом: наиболее проницаемыми для процессов скрещения являются наиболее подвижные элементы языка, входящие в словарный состав языка; менее проницаемыми являются отстоявшиеся лексические элементы, оказавшиеся в структурном ядре словарного состава языка — в его основном словарном фонде, и почти не подлежит скрещиванию самая устойчивая часть языковой системы — грамматический строй.

По указанию И. В. Сталина «Отличительная черта грамматики состоит в том, что она дает правила об изменении слов, имея в виду не конкретные слова, а вообще слова без какой-либо конкретности... абстрагируясь от частного и конкретного, как в словах, так и в предложениях, грамматика берет то общее, что лежит в основе изменений слов и сочетаний слов в предложениях, и строит из него грамматические правила, грамматические законы...

В этом отношении грамматика напоминает геометрию, которая дает свои законы, абстрагируясь от конкретных предметов, рассматривая предметы, как тела, лишенные конкретности, и определяя отношения между ними не как конкретные отношения таких-то конкретных предметов, а как отношения тел вообще, лишенные всякой конкретности»¹³.

Казалось бы, такое положение грамматики, отвлекшейся от представленной в языке конкретной по своему содержанию лексики и представляющей собою систему правил, находящихся над словарным составом языка, должно было бы чрезвычайно способствовать легкому перенесению отдельных деталей или даже всей абстрактной системы грамматики с одного языка на другой. Создается обманчивое впечатление, что абстрактное грамматическое правило можно легко применить к лексическому составу любого языка, заполнить его схемой любыми лексическими единицами.

И, однако, факты свидетельствуют о том, что этого не происходит, и грамматические правила не поддаются пересаживанию с лексической почвы одного языка на лексическую почву другого языка.

Становится ясным, что о грамматической абстракции можно говорить только применительно к каждому языку в отдельности. Грамматическая абстракция осуществляется не в пустом пространстве, а в отвлечении от конкретного лексического материала конкретного языка. Грамматическая абстракция вырабатывается в среде словарного состава языка и, хотя представляет отвлечение от него, в действительности оказывается настолько тесно связанной с ним, что вне конкретного словарного состава не существует.

В грамматических правилах суммируется то наиболее общее, что существует в данном языке. «Грамматика есть результат длительной, абстрагирующей работы человеческого мышления»^{13а}, которая осуществляется в определенных языковых формах. Это последнее обстоятельство находит свое выражение в том, что каждый язык обладает системой определенных внешних приемов выражения грамматических категорий, часто генетически возводимых к лексическим элементам; в том, что в системе каждого языка наличествуют переходные элементы, в различном употреблении выступающие то в качестве лексических единиц, то в функции грамматических элементов (таковы, например, нем.: *werden, will, kann*; англ.: *have, get* и пр.); в том, что внутри грамматической системы языка наблюдается различная сочетаемость друг с другом грамматических правил (не говоря уже о возможности существова-

¹² В. В. Виноградов, Значение работ товарища Сталина для развития советского языкознания, Изд. АПН РСФСР, 1950, стр. 12.

¹³ И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания, стр. 24.

^{13а} Там же.